

Юлия Зеликова

Laur Vallikivi. Words and Silences: Nenets Reindeer Herders and Russian Evangelical Missionaries in the Post-Soviet Arctic. Bloomington: Indiana University Press, 2024. 336 pp. ISBN 9780253068774.

*Юлия Зеликова, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Россия.
zelikova-ya@ranepa.ru.*

В издательстве Indiana University Press вышла книга профессора антропологии Тартуского университета Лаура Валликиви «Слова и молчание: ненецкие оленеводы и русские миссионеры в постсоветской Арктике». Работа издана в 2024 году, но ее основу составляет докторская диссертация Валликиви, написанная в Кембриджском университете в начале 2000-х годов. Таким образом, читатель книги знакомится с событиями довольно давними. К сожалению, из-за того что в книге нет никакого послесловия, он так ничего и не узнаёт ни о дальнейших судьбах героев книги, ни о том, насколько практики, описанные автором, актуальны в настоящее время, как они трансформировались или приумножились.

«Слова и молчание» – это книга, в которой представлены результаты этнографического исследования, проведенного Валликиви среди ненецких оленеводов-кочевников, анимистов, принадлежащих к двум общинам – общине ненцев из Республики Коми и общине уральских ненцев. Обе общины имеют название «Ямб то», однако исследование проводилось только в Республике Коми. При этом уральские ненцы также упоминаются в книге.

Эти общины привлекли внимание автора в первую очередь тем, что во времена СССР им удалось избежать интеграции в советское общество и уйти от тотального контроля со стороны государства. Они не были зарегистрированы ни в каких государственных органах, члены их не работали в колхозах, не служили в армии, не пользовались медицинскими учреждениями, не платили налогов, их дети не учились в школах-интернатах. Лишь после распада СССР общины начали как-то интегрироваться в государственную систему. Историю их можно рассматривать как историю поразительного провала советской государственной машины, которая стремилась контролировать все.

Уникальность ситуации состоит еще и в том, что названные общины были довольно многочисленными: в каждой насчитывалось порядка 100 семей. Описанию истории одной из общин посвящена первая глава – по насыщенности разного рода сведениями она могла бы, вероятно, стать отдельной книгой. Впрочем, изучение того, как независимым кочевникам удалось избежать государственного контроля, не является основной темой исследования – оно посвящено новым в жизни оленеводов-единоличников практикам, которые появились в арктической тундре в середине 1990-х годов.

В конце 1990-х и начале 2000-х годов Валликиви провел в арктической тундре и в других местах Республики Коми много времени. Сначала в Нарьян-Маре, где, общаясь с ненецкой интеллигенцией, он узнал о существовании общины «Ямб

то», которая сумела сохранить традиционную ненецкую культуру и образ жизни. Затем многие месяцы он прожил в стойбищах этой общины, где и было осуществлено исследование, составившее основу книги.

К сожалению, в книге не описана методология исследования. Автор упоминает только, что с людьми, о которых он пишет, его связывают дружеские отношения. Однако неясно, знали ли эти люди о его полевой работе, включало ли исследование биографические или нарративные интервью (и если да, то каково их количество), проводилась ли валидация полученных сведений. Все эти вопросы остаются без ответа.

Книга начинается с описания сцены, свидетелем которой был сам автор. Это сцена крещения семьи ненцев-анимистов христианами-евангелистами. Интерес к этому эпизоду объясняется тем, что здесь соединились два мира, которые, казалось бы, не должны были даже пересекаться. Незнакомые слова и жесты, молитвы, смысл которых был явно непонятен ненцам, коленопреклонение, обливание водой – все это создавало невероятную атмосферу, вызвавшую у автора живейший исследовательский интерес. Что делают русские люди в тундре? Зачем ненцам христианство? Понимают ли ненцы, что делают они сами?

Единственное, что объединяло независимых кочевников и христиан-евангелистов, – сложные отношения с государством, особенно в советский период. Приехавшие в тундру евангелисты – баптисты и пятидесятники, которые на протяжении всего советского времени скрывались от властей, проводили подпольные службы, совершали таинства, подвергаясь за это преследованиям и репрессиям. В остальном же трудно найти более непохожих друг на друга людей, чем подпольные баптисты и оленеводы-единоличники. Различия в образе жизни, способах мышления, во взглядах на то, как устроен мир, что такое добро и зло, когда следует говорить, а когда – молчать, были принципиальны. Важно добавить, что у ненцев есть своего рода страх перед русскими: он связан с определенными событиями прошлого – начиная с колонизации северных земель Российской империей. Тем не менее с середины 1990-х до начала 2000-х годов более половины независимых ненцев стали баптистами и пятидесятниками. При этом не столь аскетичные пятидесятники оказались, как ни странно, менее успешны в этом регионе в борьбе за души людей, чем строгие баптисты. Успех последних особенно впечатляет на фоне не очень удачных попыток обращения оленеводов-кочевников православными священниками и перевоспитания их коммунистическими активистами.

Разговаривая с ненцами, принявшими протестантизм, Валликиви пришел к выводу, что общее объяснение того, зачем ненцы переходят в евангелическое христианство, что они получают от этого, а что теряют, – невозможно. Есть лишь отдельные истории очень разных людей, есть интерпретация этих историй как самими их героями, так и теми, кто живет рядом (среди них, в свою очередь, есть и сторонники, и принципиальные противники христианства этого толка).

Эти истории, а также описания конфликтов и противоречий в отношениях между персонажами составляют вторую главу книги. Автор без всякой критики или рефлексии излагает сюжеты в интерпретации своих рассказчиков, придерживаясь их понимания смысла событий, воспроизводя их объяснения последствий

тех или иных действий. Он отмечает, что информанты почти ничего не говорили о материальных выгодах и приобретениях от перехода в христианство. Напротив, они рассуждали в основном о чем-то духовном, нравственном, моральном. Валликиви выдвигает гипотезу, согласно которой обращение ненцев в христианство вызвано желанием получить ответы на определенные этические вопросы. Например, на вопросы о том, как я (мы) должен (должны) жить, каким человеком я должен стать (или каким сообществом мы хотим быть).

Почему эти вопросы возникли в среде ненецких кочевников? Ведь этические нормы были в их жизни и раньше. Почему идеи христианства в его евангелической версии нашли отклик в сердцах ненцев? Формулируя теоретическую концепцию для ответа на эти вопросы, Валликиви обращается к идее антрополога Майкла Ламбека, который утверждал, что люди (коллективно и индивидуально) часто совершенно свободно и сознательно выбирают подчинение определенной дисциплине, чтобы воспитать в себе и своих детях моральные принципы. Им кажется, что общепринятых социальных правил и традиционных культурных норм для этого недостаточно, а полная свобода представляется им опасной альтернативой.

При этом правила и свободу они не воспринимают как противопоставление: просто люди часто оказываются в ситуации, когда следует сделать выбор между конвенциональными, но несопоставимыми обязательствами. Они вынуждены делать выбор, и для этого лучше иметь строгие моральные принципы. Валликиви отмечает, что у ненцев были собственные этические принципы, однако в христианстве члены общины увидели тотальную моральную систему, и у них возникло желание стать ее частью.

Из приведенных в книге рассказов ненцев видно, что в повседневной жизни обращенных легко сочетаются привычки из прошлого и христианский образ жизни, требующий постоянного самоотречения. Эти два способа жизни, которые иногда вступают в противоречие (что является источником большого напряжения), иногда раздельны, а иногда пребывают во взаимодействии. Вместе создают единый морально-этический комплекс. По словам автора, задача исследования – проанализировать этот комплекс.

При конструировании теоретического подхода Валликиви отказывается от концепции колонизации сознания, которая использовалась антропологами, изучавшими христианизацию южноафриканских племен. Сторонники этой концепции утверждают, что в процессе религиозного обращения сознание людей меняется, во-первых, извне, и, во-вторых, против их воли. Такое предположение опирается на модель культурной гегемонии Антонио Грамши, в рамках которой доминирующая идеология становится как бы само собой разумеющейся и, в конце концов, формирует определенные привычки, со временем становящиеся частью габитуса.

Концепция колонизации сознания имеет, по мнению Валликиви, серьезные ограничения. По этой логике, новообращенные представляются пассивными жертвами власти, что часто не соответствует действительности. Например, вовлечение коренных народов Севера в советскую идеологическую систему и борьба с шаманизмом не укладываются в предложенную схему. По мнению автора, это

было скорее «работой над сознанием», которая предлагала оседлый образ жизни (изменение сознания требует изменения материальной базы) и постепенное внедрение новой культуры, новых знаний и институализированной медицинской помощи в жизнь коренного населения.

Следуя утверждению Мишеля Фуко, согласно которому власть существует в виде разнообразных дискурсов и нужно разделять моральные кодексы и этику, Валликиви фокусируется на анализе языка и пытается понять, какие новые слова, понятия, жесты предлагаются ненцам для того, чтобы взглянуть на себя, других, свое сообщество, окружающий мир после того, как они приняли христианство и начали сознательный процесс этической трансформации.

С переходом в протестантизм ненцы-кочевники впервые участвуют в объективирующем дискурсе о себе и своем сообществе. Эта объективация происходит с точки зрения третьего лица, которое существует в виде «взгляда Бога». Те, кто принял на себя христианскую идентичность, должны постоянно участвовать в практиках этического преобразования. Однако это не только отношения с Богом. Принятие новой религии меняет публичный статус человека: он должен выполнять обещания, данные Богу во время молитв и покаяния; выполнение обещаний должно быть очевидным. Ненцы живут большими сообществами, так что верующие и неверующие постоянно находятся вместе. Между ними есть мировоззренческие и этические конфликты, поэтому для сохранения своего авторитета верующие не могут себе позволить нарушать собственные обещания.

Фокус на языке (включая молчание) заставляет автора выйти за рамки репрезентативного измерения языка, как это делали Людвиг Витгенштейн и Джордж Остин. Именно они предложили способ размышления о том, каким образом через оценочные практики язык формирует человеческую социальность и этическое становление.

Автор рецензируемой книги рассматривает связь языка с личностью, телом и эмоциями. Речь в этом исследовании – это не звуки и значения, но глубоко воплощенная практика. Человек сначала учится слушать новый, специфический для себя язык, потом приобретает способность говорить на нем, затем учится говорить на нем с авторитетами (в том числе с Богом), добавляя к словам определенную позу, осанку, тон и манеры. В завершение человек учится брать ответственность за произнесенные слова и принимает на себя личность верующего.

В третьей главе книги описывается деятельность миссионерских общин среди ненцев, а также история баптистских общин в советское время. Она, как ни странно, пересекается с историей ненцев-кочевников. Встреча кочевников с баптисткой миссией определяется географией. Ненцы живут к северу от Полярного круга, по оси «запад – восток» – от полуострова Канин до реки Енисей. Эта территория разделена Уральскими горами. С точки зрения административного деления названная территория принадлежит Ямало-Ненецкому автономному округу, Ненецкому автономному округу, Республике Коми и Красноярскому краю.

Ненцы – самая многочисленная группа в категории коренных малочисленных народов Севера. Кочевники-оленьеводы составляют треть от всех ненцев. Они избежали в советское время коллективизации и гордятся тем, что сохранили свою

культуру, традиционный образ жизни, свободу и независимость. В то время как ненцы-колхозники пасли не своих оленей на не своей земле, ненцы-кочевники жили свободно со своими оленями и смотрели, как пишет Валликиви, на мир их глазами. Это значит, что они не просто наблюдали за жизнью оленей (для этого, кстати, есть специальный ритуал, отправление которого требует продолжительного времени), но оценивали окружающий мир с точки зрения условий жизни оленей, делали то, что полезно и хорошо для оленей, то, что сохраняет и увеличивает поголовье. Они не относились к оленям как к источнику еды и одежды. Олени были частью жизни ненцев, их нечеловеческими партнерами. Все это создавало у кочевников особую идентичность – они воспринимали себя свободными красивыми людьми.

Ненцы пережили колонизацию своих земель Российской империей, что сформировало страх и ненависть к русским, передававшиеся из поколения в поколение, однако при этом научились с выгодой обменивать шкурки пушных зверей на оружие, инструменты и предметы быта. В ходе колонизации ненцы пережили насильственное крещение в православную веру, обряды и суть которой, впрочем, не отразились в их повседневных практиках. В повседневной жизни ненцев от русских остались, пожалуй, лишь русские имена, обычай хоронить мертвых в земле и иконы, перед которыми в чумах часто проводили языческие обряды (в том числе жертвоприношения животных). Никто из ненцев, например, не знал, кто такой Иисус Христос.

В конце 1930-х годов на территориях, которые занимали ненцы-кочевники, началось строительство ГУЛАГа, в том числе города Воркуты. В книге описывается, как внутри и вокруг системы ГУЛАГа появлялись церковные баптистские общины. Баптисты считали, что арктическая тундра – хорошее место, чтобы не встречаться с советской властью. Таким образом, история баптистских общин и история общины «Ямб то» тесно связаны с государственным подавлением культурного и идеологического инакомыслия. Это создает определенный контекст для их взаимоотношений сегодня и несколько снижает традиционный страх ненцев перед русскими. Баптисты для ненцев – это другие русские. Третья глава заканчивает описание общего контекста, далее автор переходит к описанию процесса обращения независимых ненцев в протестантизм и анализу последствий этого обращения.

Собственно процессу обращения ненцев в протестантизм посвящена четвертая глава работы. Описание изобилует драматическими событиями, связанными с запретом на некоторые традиционные ненецкие практики и требованиями уничтожить культовые предметы, относящиеся к шаманизму. Шаманизм в ненецких общинах сохранился только в виде онтологических и эпистемологических представлений о том, как видимые и невидимые силы действуют на людей и как ими можно управлять. Евангелисты осуждают все взаимодействия с нечеловеческими агентами, кроме Бога. Поэтому миссионеры настойчиво требовали, чтобы обращенные ненцы уничтожили все предметы, предназначенные для общения с потусторонними силами. Это был очень болезненный процесс, причем ненцы из-за плохого знания русского языка и неумения говорить о сакральном не могли объяснить назначение этих предметов, их важность и ценность. Запреты распростра-

нялись и на православные иконы. Евангелистские миссионеры считают православие ошибочной формой христианства, а ненцев – язычниками (несмотря на соблюдение ими некоторых православных обрядов), так что все, связанное с православием, должно было быть исключено из повседневного обихода.

Еще одной точкой напряжения между независимыми ненцами и евангелистами стал язык, причем не только собственно слова, но и молчание. Антропологи описывают ненцев как «молчаливый» и «неразговорчивый», по сравнению с другими жителями региона, народ. Причем предполагается, что это не недостаток и не «отставание», но особый способ существования и культура общения. Однако вера не может быть немой. Она должна быть выражена в словах: во время молитвы, покаяния, обсуждения Писания, в гимнах и песнях. Миссионеры заставляли ненцев произносить слова, смысл которых был им непонятен, запрещали им петь свои песни и предлагали чужие им церковные гимны. При этом акты молчания воспринимались миссионерами как отказ разговаривать с Богом.

О том, какую роль молчание занимает в жизни ненцев-кочевников, рассказывается в пятой главе. После прочтения ее становится понятно, почему в англоязычном названии книги слово «молчание» употребляется во множественном числе (так что название трудно адекватно перевести на русский).

В тундре, как пишет Валликиви, молчание имеет разные функции и смыслы. Во-первых, молчание объясняется тем, что многое для ненцев выглядит как само собой разумеющееся. О многих вещах не надо говорить, не надо спрашивать. Из ненецких чумов редко доносится человеческая речь. Все знают, что надо делать. Речевой акт является побуждением к действиям, а не обменом информацией. Даже обучение навыкам оленеводства, охоты и рыбалки у ненцев происходит без слов: дети просто наблюдают за тем, что делают взрослые. Во-вторых, молчание связано с габитусом ненцев: много болтают только русские. В-третьих, молчание – это способ избежать произнесения имен (людей, духов, названий болезней), упоминание которых может вызвать беду. Надо уметь отличать, когда молчание является раскрытием, когда – сокрытием, когда – самозащитой, а когда – и тем и другим одновременно. Из-за столь разных значений (неоднозначности) молчания люди из разных миров могут интерпретировать одно и то же молчание по-разному.

Молчание у ненцев может быть еще и перформативным актом. Ненецкая языковая идеология, особенно в ситуациях переговоров, подразумевает молчание как знак несогласия. В книге приведены примеры такого рода молчания. Например, в ситуации сватовства: если отец не хочет выдавать свою дочь замуж, он молчит, причем он может молчать весь вечер, а затем потушить огонь и молча пойти спать. В то время как задача свахи – сломить это молчание и заставить отца невесты говорить; для этого сваха может остаться в чуме на ночь. Как только молчание прервется, можно будет что-то обсуждать. Пока человек молчит – говорить бессмысленно, так как молчанием он создает ситуацию, в которой сватовство вообще невозможно. Это не просто отказ, но перформативный акт создания отсутствия события. Когда/если ненцы не хотят принимать христианство, они так же просто молчат при разговоре с миссионерами.

Для баптистов молчание в ответ на обращение является признаком отказа принимать слова Бога. Вера начинается с говорения Богу. Душа может быть спасена не молчанием, а членораздельной речью. Если человек вообще не вступил в контакт с миссионером – значит миссия не удалась. Чтобы избежать этого, миссионеры пытаются сломать молчание, в том числе с помощью прямого обращения. Например, спрашивают: «Василий, когда я могу прийти к тебе завтра, брат мой?» В ответ они, как правило, в такой ситуации получают молчание, их собеседник отводит взгляд в сторону. Миссионеры интерпретируют это как неудачу, однако они даже не представляют, насколько тактичен был по отношению к ним собеседник, ведь в ненецкой культуре обращение к взрослым людям по имени неуважительно и даже оскорбительно (так, детям, например, не разрешают называть взрослых по имени).

Евангелисты пришли в арктическую тундру со словами, которые, как они считали, должны были изменить людей. Но их слова, в зависимости от того, с кем именно они говорили, воспринимались как тарабарщина, или как нечто враждебное и опасное, или как истина (даже если были не полностью понятны). Те, кто не воспринимал слова миссионеров, отвечали молчанием. Те, кто их воспринимал, перешли на новый евангелический язык. Именно после встречи с миссионерами многие ненцы впервые заговорили: стали обсуждать с другими свои чувства и мысли, согласовывать свои поступки с постулатами христианской идеологии, демонстрировать свою мотивацию и послушание. Все это требовало торжественности, специальных слов, перформативности; для покаяния, молитвы, восхваления нужны были специальные слова.

Протестантские миссионеры внедрили логику, согласно которой самым эффективным способом изменить себя и мир был речевой акт. Более того, по этой логике сила слова во время молитвы и покаяния выше, чем невербальные действия (например, помощь ближнему), так как слова Бог слышит сразу.

В результате молчаливая культура ненцев преобразуется в многословную риторичку. Обращение в христианство стало движением из относительно молчаливого анимистского мира, где большинство принципов трудно высказать словами, а значение имеют только поступки, к религии, где каждый поступок должен быть проанализирован, прокомментирован с точки зрения Библии, причем со ссылкой на соответствующий отрывок из нее. В этой новой идеологии молчание, будучи отсутствием диалога с Богом, больше не являлось легитимным. В ненецкой онтологии действенность молчания связана с тем, что слова имеют силу, слова совершают действия. Принимая христианство, ненцы отказываются от молчания и переходят с ненецкого языка на русский.

Когда миссионеры пришли в тундру, они предложили новую модель отношений с более могущественным Богом и другими русскими. Это обещало защиту от опасного и непредсказуемого мира духов, колдунов, хищников и недружественных русских. У многих ненцев была надежда, что новая вера станет их страховкой как на этом свете, так и на том. Однако для многих других новая вера стала источником сомнений, маловыполнимых требований, вела к отказу от привычного, требовала подчинения, налаживания иных отношений и т. д. Новая вера стала восприниматься как что-то опасное – то, что делает человека уязвимым.

Принятие протестантизма внесло существенные изменения в жизнь ненцев-кочевников. Христианство заставляет человека заниматься преобразованием себя. Но ненцы-кочевники не могут полностью отказаться от своих прежних практик и верований, потому что продолжают кочевать, пасти оленей и жить в мире, где природа играет огромную роль. Наряду с христианскими они продолжают исполнять некоторые традиционные ритуалы. Эти разные практики могут противоречить друг другу, и, чтобы избежать противоречия, надо вести оседлый образ жизни (как того требовали от ненцев коммунисты, желавшие преобразования их сознания). Обращение в христианство через изменение способа говорить и молчать предлагает ненцам другое восприятие мира и другой образ жизни.

Книгу Лаура Валликиви будет интересно читать не только антропологам и этнологам, не только тем, кто занимается исследованиями Арктики. Эта книга будет интересна также тем, кто занимается постколониальными исследованиями или изучает процессы смены идеологической деноминации. В конце концов, книга будет интересна просто любопытному читателю, ведь в ней много личных историй и примечательных иллюстративных материалов (не только схем и карт, но и фотографий).